

АРХИМАНДРИТ

Савва Мажуко

На руках
у Бога

О радости быть христианином

Радостная серия

архимандрит Савва (Мажуко)

**На руках у Бога. О радости
быть христианином**

«Никея»

2018

УДК 248.12
ББК 86.372

(Мажуко) а.

На руках у Бога. О радости быть христианином / а. (Мажуко) —
«Никея», 2018 — (Радостная серия)

ISBN 978-5-91761-865-4

Сама природа христианства – это радость, не может верующий человек быть унылым. И как же хорошо, что есть авторы, которые видят эту радость во всем – в литургии, праздниках, в церковной службе, молитве, в дружбе с людьми и с котиками – и могут так трогательно и с юмором о ней рассказать, как это делает отец Савва.

УДК 248.12
ББК 86.372

ISBN 978-5-91761-865-4

© (Мажуко) а., 2018
© Никея, 2018

Содержание

Запах хлеба	6
Когда святой хватается за меч	9
Не жалею о том, что прошло	11
Как правильно выбрать подарок на Рождество?	13
Пытка подарками	14
С миру по кошке	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Архимандрит Савва Мажуко
На руках у Бога. О радости
быть христианином

*Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р18-804-0137*

Запах хлеба

Для некоторых людей Причастие – немыслимый подвиг. И что я говорю? Не для некоторых. Для многих. Может быть, для большинства. И я сам отношу себя к этому большинству. Евхаристия такая святыня, что ты умом чувствуешь, кожей понимаешь, что прикасаешься к чему-то действительно священному. Ты, человек из плоти и крови, со своими мелкими мыслями, суетой и тревогой, не просто касаешься Тела Бога, но вливаешь в свои жилы Его священную Кровь. Кровь Бога омывает твоё сердце, меняет тебя, возвращает тебя самому себе. Это невероятно. Но это так. Как это происходит? Как это вообще стало возможным? Как я после этого остался жив? Говорить об этом можно много. Слушать – нечего. Если сам не пережил на собственном опыте. А если пережил, предпочтешь молчание. Это – правда Евхаристии – священный трепет от прикосновения подлинной святыни, почти испепеляющий ужас священного. И рядом – совсем другое – детски-мирная радость, «тишина неизглаголанная», радость быть, дышать, молиться, бегать, ликовать – оттого что жив навсегда и окружен навсегда живыми.

Символ священного ужаса – священник стоит у престола и будто из самой глубины отчаяния – «Боже, очисти мя грешного!». Символ мирной радости – ребенок, жующий просфорку. Дети страшно любят просфоры. Вы тоже заметили? Так весело смотреть, когда какой-нибудь малыш, удерживая двумя «лапами» «святую булочку», пыхтя и отдуваясь, с предельной серьезностью уплетает «Божий хлебушек». И действительно, что-то бесконечно мирное в самом облике священного хлеба и вина. Как спокойно становится, тихо на душе, когда смотришь на просфоры. Воистину – мирная жертва!

А для себя – тонкий и нежный момент литургии. Стоит священник в алтаре. Вот-вот запоют «Верую». Берет батюшка в руки покров, которым накрыты Чаша и Дискос, и начинает «веять» над святыней, читая Символ веры. И мне всегда радостно брать в руки этот покров, потому что тонкий запах вина и хлеба пробивается через него, и от этого так хорошо на душе становится, так спокойно и радостно.

Как вообще в литургии сочетаются эти два невероятных состояния: детской мирной радости и священного трепета? Все очень просто. Не с безликой святыней, не с грозными космическими стихиями мы сходимся в Евхаристии.

К нам навстречу идет Живой Бог, наш настоящий и подлинный Отец, любящий и нежный. Это Он касается нас, Его Кровь обновляет наши души, Его Дух оживляет наши тела. Страшно. И – радостно.

Настоящая икона Евхаристии – евангельская история об умножении хлебов. Она есть в каждом из четырех Евангелий. Старая, очень старая история. Христос проповедовал целый день в пустынном месте, люди устали, до жилья далеко, кормить нечем – у апостолов нашлись только пять хлебов и две рыбки – но разве накормишь этим столько народу? А Господь просто помолился, благословил – и всех накормил. Обычное чудо – так мы, христиане, и думаем устало, не замечая, что чудо не может быть обычным. Мы ведь и удивляемся этому как-то тускло, без энтузиазма: да, Бог сотворил чудо, накормил пять тысяч человек, но разве Богу стоит какого-то труда сотворить чудо? Он же – Бог, всемогущий Творец и Промыслитель, Ему должно быть легко и исцелять, и воскрешать, и умножать хлебы? Но уже в древности понимали: история с хлебами – особая. Евангелист Иоанн, который не отличался склонностью повторять в своем Евангелии то, что уже до него сказали другие евангелисты, все же помянул чудо о хлебах в своем таинственном благовестии, и помянул в той самой шестой главе, в которой подробно пересказывается беседа Христа о Хлебе

Небесном, то есть о Евхаристии. Чудо с хлебами было иллюстрацией для прояснения богословия Евхаристии. Это было не просто чудесное событие, но прежде всего знамение, живая икона Вечной Литургии.

А что такое Евхаристия? Трудно объяснить в двух словах, особенно человеку нецерковному. Слова подбираются с трудом, сопротивляются, требуют оговорок и уточнений. Даже для богослова это непростая задача. Но Господь принес нам этот дар, доступный каждому – и ученому и невежде, и богослову и простецу. Не можешь мыслью охватить эту тайну – просто смотри на икону Евхаристии – на чудо умножения хлебов, и не гордись, а смиренно подойди к потрясенным апостолам, трепетными руками раздающим народу хлеб, и приступи к этой тайне богообщения, впусти Христа в свою жизнь, в свою кровь, в свою плоть, в самые глубины твоей души и проси, чтобы ее внутренние хранилища, темные и необозримые, озарились светом Его любви, чтобы Христос оживил тебя, напоил подлинной жизнью, потому что именно в этом и есть смысл Евхаристии – оживить мертвецов, напитать наши души и тела – жизнью подлинной, Божественной. И это настоящая, очень личная и интимная встреча с Богом Живым. Не с идеей, не с учением или философской системой, не с таинственной нетварной энергией. Он Сам – Творец мира, выдумавший и меня и мою историю, – встречается лично со мной в самых глубинах меня самого, в таких безднах моего существа, о которых я и сам не помышлял.

Мой мудрый друг с печальной улыбкой и неисправимо добрыми глазами однажды рассказал мне, как стал верующим человеком, опытно и очень живо пережив этот опыт встречи с Богом в Евхаристии. Он рос в обычной советской семье, не зная ни Бога, ни Церкви. Жил, как трава растет, – пионерское детство, школьные хлопоты, увлечение боксом – жизнь понятная, без мистических тайн и метафизических тревог. Вдруг стали открывать храмы. А в нашем городе Гомеле верующим вернули Петропавловский собор. Это было так необычно. Оказывается, есть какой-то другой мир, очень древний и традиционный, и там есть люди, там есть своя полноценная и полнокровная жизнь! Он стал заходить в храм. Ничего не понимал. Никого не знал. Просто смотрел. Интересно было. Необычно. Познакомился с монахиней, принимавшей записки. Сначала просто узнавали друг друга, потом начались разговоры.

– А ты когда-нибудь причащался?

– Нет. А как это?

– А я тебе расскажу.

И она рассказала ему о Причастии. Не богословскую теорию, не катехизис со ссылками на Писание и отцов. Просто научила, как подготовиться. Советский школьник, к ужасу родителей, мужественно постился неделю. Терпеливо читал трудную книгу «Молитвослов», даже не надеясь разобраться в древнем наречии. В канун Причастия смотрел по обычаю телевизор с каким-то мутно-глупым фильмом и явился к литургии, совершенно не понимая, что он делает, зачем пришел и чего следует ожидать. Положено причащаться – буду причащаться. А ты верующий? Там разберемся.

Сходил к исповеди. Отстоял службу. Подошел к Причастию. Руки сложены на груди. Громко назвал имя. Батюшка поднес на ложечке кусочек хлебушка с вином. Необычный вкус. Непривычный. Вот и все. Рассказывать больше нечего. Только так все и случилось. Так он стал верующим. Там, у Чаши, он встретил Христа. Как об этом можно рассказать? А вот попробуй. Не было видений. Не было голосов, пророчеств, необъяснимых чудес. Земля не уходила из-под ног. Ураганы не срывали со стен штукатурку. Но это было прикосновение чего-то подлинного и святого. Кого-то. Его никто не ждал. Его не звали. Мальчик и не думал, что такое с ним может произойти. Он не знал, что такое Евхаристия, не читал Писания, не изучал истории Церкви и житий святых. Что-то слышал. Где-то урывками читал, но совсем не думал, что это будет так. Они просто встретились. Он просто пришел. И остался.

После Причастия сидел на церковном крылечке. Свежо. Цветы. Скамейки. В соборе еще молятся, поют. И – необычайная тишина. А вокруг ходят люди. Вот спортсмены побежали по дорожке. И ему подумалось: ведь это так просто – убедиться в том, что есть Бог на свете, – подойди к Чаше и просто причастись. А они – бегают, бродят по тропинкам парка и говорят

про жизнь. Надо всего лишь зайти в храм, и Бог выйдет к тебе навстречу. Это так просто. Пережить – просто. Но разве об этом расскажешь?

Христос говорил о Хлебе Небесном – и ученикам, и иудейским законникам. Его не поняли. Не услышали. А кроткий и молчаливый ученик, мальчик Иоанн, просто все запомнил, предчувствуя, что это очень важно, и мы все потом поймем. И он не ошибся, апостол Любви. Потому что сначала – опыт, потом – понимание, и вера приходит вслед за Встречей, которую никто не ожидает, которую нельзя запланировать или заказать. Но только так мы и становимся верующими – лично встретив Бога, застигнутые Им врасплох. И оттого так тревожно и радостно идти к Причастию – на свидание с Богом, понимая, с Кем ты увидишься, Кому причастишься, Кто навсегда останется с тобой.

Когда святой хватается за меч

Святитель Николай был первым святым, о котором я услышал в детстве. Было время, когда я не сильно понимал, чем святой отличается от Бога. Скорее всего, это объяснялось полным отсутствием в этом возрасте способности к обобщению. Вещи этого мира не сразу приобрели для меня способность собираться в виды и роды. Каждый был особым, отдельным, неповторимым.

Но Николай-чудотворец был не просто неповторимым. Он был близким, понятным, родненьким. «Николай-угодничек» – так говорила мама. Слово «угодник» не будило в моем детском уме никаких светских значений. Ничего порицательного, достойного презрения или иронии я в нем тогда не слышал. А все потому, что первым это слово «примерил» святитель Николай, седой старец с древней иконы. Чистый. Добрый. Надежный. Это не какой-то немощный старичок-боровичок, сморщенный, словно усталое яблоко, брюзжащий и жалующийся на жизнь.

Николай-угодник такой старец, что поискать! Смотрит смело, прямо. Сразу видно – сильный человек и мудрый. Сколько доброты в этом образе! Удивительно! Но доброта вовсе не вялая, слезливая, томная. Смотрел святитель таким решительным, бодрым взглядом, что сразу видно – сильный человек, мужественный, такой в обиду не даст. И именно это сочетание меня удивляло в нем больше всего: как это добрый человек может быть одновременно сильным и мужественным?

Потом мне объяснили, что самое главное на иконе – глаза. Можно было и не рассказывать. Так он смотрит с иконы – поневоле выпрямишься, выправишься. Мой родной город Гомель еще с XVII века давал приют беглым старообрядцам. Рядом Ветка – небольшой городок, славившийся когда-то таинственными староверскими скитами, церквями и бородами иконниками. Самый любимый образ ветковчан – «Никола Отвратный»: святитель смотрит с образа не прямо, а в сторону – «беду отводит», поясняют знатоки.

Любят Николу-угодника староверы. Почитают «никонияне», к числу которых отношусь и я. Пишут его образы в Сербии, Болгарии, поминают в Германии, Франции и далекой Америке. А ведь он умер за тысячу лет до ее открытия. Меня завораживает мысль, что мы молимся человеку, который не только ни слова не знал по-русски, но даже и не подозревал, что через несколько столетий далеко на севере появится неожиданное государство, которое станет христианским при самом своем рождении и именно его, провинциального греческого епископа, полюбит, как родного отца и единоплеменника.

Что-то в облике этого человека было такое, что русские люди поверили ему сразу и безоголочно. Но отчего-то мне кажется, что сердца наших предков покорило не столько житие святого, сколько его иконный лик.

Мудрый старец с открытым лицом – правдолюбец, защитник правды, ревностный ее свидетель.

Широко открытые добрые глаза – отражение сердца, в котором никому не тесно, отеческая доброта – веселая, надежная, крепкая.

И с добротой – спокойная сила и бесстрашная решительность, готовность бороться за правду, стоять за правду «даже до крови».

За таким святым не страшно. Такой заступится. Его проси смело и без лишних слов. И просили. И были услышаны. Далекий и необъяснимый греческий епископ слышит и понимает русскую речь не хуже английской, сербской, грузинской. Отзывчивая доброта и правдолюбие не дают ему «уйти на покой», в «заслуженное» забвение, в занебесную область. Как было бы просто, если бы он оказался только добряком, милым дедушкой, или карающим правдолюбцем, мечом в руках Божьих. Но в образе Николая-угодника доброта и правдолюбие неразличимы,

слитны, едины, как и должно быть в жизни каждого ученика Христа. И потому так стыдно думать о нем, так обезоруживает этот святой лик воистину цельного и невероятно живого человека. Даже находиться перед взглядом такого старца – испытание и укор.

Когда я стал священником, на икону святителя я стал смотреть уже другими глазами. В старинных росписях и среди житийных клейм вы обязательно найдете изображение, где Николай-чудотворец спасает от казни невинно осужденных. Гениальный Репин даже написал на этот сюжет одну из своих знаменитых картин. Он долго работал над этим полотном, искал нужные жесты, но в конце концов повторил тот священный жест, который сохранили древние иконы: спасая узников, святитель хватается за меч. Но не так, как берется за меч воин. Великий правдолюбец хватается за само лезвие меча, останавливая уже замахнувшегося истязателя. Голыми руками святитель ухватывается за отточенное лезвие меча. У меня замирает сердце, когда я просто себе это представляю. Борьба за правду – это вот так, как святой Николай, – хвататься голыми руками за острие меча, своей кожей, своей кровью стать между мечом и жертвой. Он готов был потерять руки, только бы защитить невинных.

Вот какую доброту проповедовал святой Николай, святой правдолюбец. Если когда-то станут писать икону подлинного пастырства, не надо искать новые образы, премудрые и заумные. Этот образ уже найден. У наших предков он всегда был перед глазами. Они с ним сверяли свою жизнь. Старец-правдолюбец, хватающийся за лезвие меча своими руками, старец, презиравший боль и опасность, когда речь шла о правде, – это чудотворец Николай, угодивший Богу своей бесстрашной добротой и благословенным правдолюбием.

Не жалею о том, что прошло

В новогоднюю ночь забраться в автомобильчик и проехаться по ночному городу. Сколько огней! Сколько веселых светов! Взрывают ракеты, хлопухи, шумелки. Но больше всяких хлопушек я люблю новогодние огоньки. Однако ставится вопрос серьезно и настойчиво: чего ради мы выбрасываем такие деньги на ветер, вернее, на мороз? Рубятся елки, продаются тонны игрушек, фейерверков, костюмов, огней, даются праздничные представления, все куда-то тянут детей, море украшений, океаны смешных шапок и масок. Любимая часть: готовятся «сверхъестественные» салаты с такими вкусами и в таких количествах, будто граждане желают наесться впрок, на год вперед, покупаются и продаются горы подарков, не всегда нужных, часто неоправданных, но затратных, хлопотных, дорогих. Спрашивается: зачем это все? Почему бы нам не раздать все эти деньги бедным?

Да, бедным надо помогать. Но и без веселых огней не обойтись. Значительное должно быть означено. Так устроен человек. Если ему предстоит пройти через что-то очень важное, такое значительное, что оно, может, даже больше всей его жизни, ему нужен знак – обряд, ритуал, символ, одним словом, целая гора ненужных вещей, без которых человек и не человек вовсе. Вот я и волнуюсь на Новый год. Радуюсь. Надеюсь. Скорблю. Может, так нельзя? А как правильно? С юности учили: не знаешь как, спроси старца.

Ученик спросил святого Антония: что мне делать, чтобы спастись? Хороший вопрос. Просто в самую точку. Не любил человек ходить кругами, бил в самую суть. На самый жгучий вопрос ждал прямого и конкретного ответа. И получил. Преподобный Антоний назвал три условия, соблюдая которые можно наследовать спасение.

Первое: не надейся на свою праведность. Почему это условие – первое? Спросил монах, монах ответил. Монахи – люди, ведущие праведный образ жизни. Так им положено: жить по уставу, молиться, быть сдержанными, держать себя в строгости. Ведь монахи живут будто в стеклянном доме – у всех они на виду, даже мирская одежда не способна «спрятать» инока. Правильная жизнь – привилегия аскетов, но она же и самая болевая точка: легко поверить, что ты «несть якоже прочие человецы», поскольку уже выполнил и перевыполнил задание по личному спасению. Однако эту заповедь святой Антоний, похоже, адресует не только аскетам и не только потому, что религиозные люди как-то естественно склонны к мелкому тщеславию. В этом совете гораздо больше, чем обличение подвижнического честолюбия. Преподобный делится с учеником не законченным принципом, отточенным правилом или инструментом, а «ставит» правильный угол зрения. Заметим: совет дает человек, посвятивший годы жизни труду самопознания. Когда он говорит «не надейся на свою праведность», это итог многолетнего опыта, *его* опыта, это он выносил годами, это он сказал о себе, о человеке, весьма почитаемом за праведность, доказанную и, кажется, неколебимую. Именно он, святой Антоний, не надеется на свою праведность. Из его уст правило «не надейся на свою праведность» значит: жди от себя сюрпризов – неожиданных, пугающих желаний, мыслей и, скорее всего, поступков, которые могут представить тебя тебе же в неожиданном свете.

Усвоили. Приняли. Осознали.

Правило номер два: обуздывай язык и чрево. Здесь, кажется, все понятно. Это и есть аскеза в чистом виде, те основные правила духовной жизни, которые разделяют практически все религиозные традиции. Услышать такое из уст многолетнего пустычника – естественно и предсказуемо. Язык и чрево надо обуздывать всегда, ныне и присно, и до самого последнего дня ни один христианин не свободен от этой тактики.

Что же на третье? А вот тут самое неожиданное, но и самое утешительное. Преподобный дает ученику, может быть, наиболее вызывающий из своих советов: «не жалею о том, что прошло». Всегда вспоминаю это наставление именно на Новый год, который для меня сплетается

из двух сильнейших эмоций – надежды и сожаления, и, похоже, с каждым новым годом моей жизни последнее преобладает.

«Не жалею о том, что прошло». По утрам я всегда пою. Собственно, я пою всегда, когда не ем, хотя бывают исключения. Недавно заметил, что гаснет во мне эта певучесть, все больше молчу, задумываюсь, засыпаю. Нехорошо. Неправильно. Но в певучие дни все чаще оглядываюсь назад: вот бы это настроение да неделю назад или даже месяц, а вот бы оказаться с таким настроением в предыдущем году, вот тогда бы я уж развернулся с теми силами, с тем здоровьем, с крепким сном. Но «дергает за рукав» авва Антоний: не примеряй на себя прошлое, его больше нет – ни плохого, ни хорошего. Не жалею об ушедшей юности, не скорби об упущенных возможностях, о несделанном, о несказанном – отпусти, забудь. Прошлого нет. Нет и будущего. Я – только здесь и однажды. Живи сейчас. Люби сегодня. Радуйся с теми, кто рядом. Не примеряй на себя чужую жизнь, ведь жизнь тебя вчерашнего уже не твоя.

У Брэдли среди персонажей «Вина из одуванчиков» есть старушка, которая хранила и трепетно берегла все следы и свидетельства прожитых лет: свои детские шапочки и платица, программки праздников и спектаклей, фотографии и вырезки из газет. Вот она девочка, которая только научилась ходить, а вот тот самый бантик, который когда-то семьдесят лет назад ей повязывала мама, а это тот самый цветок, который она сорвала, когда школьницей гостила у тети. И полный дом таких свидетельств прожитой жизни, поминальниц, а лучше – надгробных плит над каждым эпизодом ушедшего. Старушка все эти сокровища показывает детям, а они не верят, что эта высохшая бабушка была когда-то вот той румяной девочкой со старой фотографии. И детям удастся убедить старушку, что это все не про нее и она никогда не была девочкой, она всегда была вот этой старой дамой.

И это пишу я – любитель древностей и артефактов. Но ведь вся эта дорогая семейная старина хороша именно как память. А в памяти жить нельзя. Человек живет только здесь, только сейчас. Видимо, преподобный Антоний хорошо знал это искусство – отпускать прошлое. Может быть, потому, что, как подлинный подвижник, он был слишком живым – святость делает человека более живым, чем самый здоровый, полнокровный молодой человек, и святые так ценили жизнь, а она с нами случается только в настоящем. Можно утонуть в прошлом, заблудиться в будущем и упустить ту радость, красоту и любовь, которые вот тут, рядом, притаились и ждут ободряющего взгляда, благословляющего жеста.

Не жалею о том, что прошло, – ни о плохом, ни о хорошем. Живи сейчас. Даже если немало дров наломал, ты еще жив, ты еще здесь, ты еще многих можешь сделать счастливыми, многих утешить. О них думай, на них смотри. Во все глаза смотри на то, что есть, отпуская то, что было. Не проморгай того, что теперь, что близко дыханием и взглядом. То живое, что рядом, – более право, чем все прекрасное и возделенное в прошлом или будущем. Для прошлого – тихая грусть, для грядущего – озорное и нетерпеливое любопытство, для тех, кто рядом, – объятия и поцелуи и море нежности, которое плещется только в настоящем.

Как правильно выбрать подарок на Рождество?

Можно ли забыть эти лица? Эту дивную смесь удивления и окаменевшей отваги!

Кажется, это называется коллизия обязанностей: когда рвешься между двух огней – схватить злодея или уступить сладости преступной солидарности.

Москва перед Рождеством, и я в Москве. В последние часы перед поездом вспомнил о подарке нашему старцу. Весь в сумках, в расстегнутом с жару пальто – где искать? Магазин подарков тут же, и все здесь, в столицах, дорого, но вот этот малыш-подсвечник с дракончиком придется батюшке по душе. Не хватает денег. Ищу банк. Все закрыто. Обежал всю улицу. В сумках. В шубах. Вот в переулке какие-то «курсы». Выдали как из-под полы. Мчусь обратно «в подарки», зажав мятые купюры. До поезда час, а отсюда две пересадки. Успею ли?

Томные дамы смотрят сонно, но снисходительно:

- Вам в подарочной упаковке?
- Давайте.
- Можно вот в такой коробочке. Или возьмете с этим футляром? У нас обычно...
- Пойдет.
- Вам в какую бумагу завернуть? Тут подойдет...
- Идет.
- Вам с лентой или...
- Крутите. Только поскорее.
- По карточке?
- Нет, вот тут все уже, без сдачи.
- Вам в фирменный пакет?
- Сестрички, пожалуйста!
- Но мы еще не...

Расплатился. Мчусь на воздух. Видно, все-таки забыли кое-что «подарочные тети»: орут вслед долго и пронзительно, словно режут их, электронные ворота. Надрываются на всю улицу. И вот картина: по направлению к государственной границе несется неистовый поп в пальто нараспашку, без шапки, волосы выбились из-под шарфа, глаза безумные, весь в сумках и пакетах, бежит от магазина, который неприлично громко и нервно ревет сигнализацией. И лица честных москвичей: хватать или прикрыть беглого батюшку?

Можно ли забыть эти лица? Будьте благословенны москвичи и гости столицы!

Пытка подарками

С магазинами у меня всегда приключения, хоть и не заходи. Нормальный человек в магазине оживает. Отдельные товарищи просто впадают в товарно-мистический экстаз, забывают про ранения, ушибы и переломы, так что и не угонишься за ними. Щуплые барышни пробиваются вперед, будто борцы сумо «под прикрытием», отощавшие, но не утратившие хватки. Дамы в теле парят над залом, кружатся, словно в танце, являя неожиданную грацию и тончайшие оттенки чувств на ожившем лице.

Торжище бодрит. Рынок омолаживает. Сегодня шопинг даже прописывают как дорогое и модное лекарство. И не жалко! Был бы человек хороший! Радостно вам покупки делать? Вот и славно! Порадуюсь вместе с вами. С одобрением. Но и с завистью – потому что непросто у меня с магазинами. Кому сказать: стыжусь делать покупки. Избегаю всеми силами. Бывает же такое! Обо всем расскажу психоаналитику, а пока вот так: захочется какой-нибудь «вредности» – колы или чипсов – оглядишься вокруг – не разошелся ли народ? – наберешь побольше воздуха и нырнешь в недра товарного вертепа. Страшнее всего на кассе: почему-то всегда чувствую себя виноватым перед продавщицей и окружающими. Через электронные ворота прохожу с убеждением, что непременно зазвонят, и ведь звонят, злодеи! Нет, я не ворую. Но, бывает, очень надо забежать в магазин, особенно в предпраздничные дни, выбрать подарки друзьям, а это дело непростое.

Дарить подарки – тончайшее искусство. Много можно сказать о человеке по той манере, как он *делает подарки*. Потому что подарок – дело затратное, и самые высокие расходы – это не деньги, а внимание, мысль, время, забота – не столько к подарку, сколько к любимому человеку. Хороший подарок, как дорогое вино, требует времени, любви и терпения. Настоящий подарок должен быть выстрадан. Это наука, которой учатся долго и кропотливо, и счастлив тот, кто найдет себе учителя.

С миру по кошке

Ученые всего мира в итоге многолетних испытаний убедительно доказали, что кошки в своем естественном состоянии не способны слезать с деревьев. Забираются путем понятным и очевидным, но как вернуться на землю, природа им не подсказала. Выдох облегчения! Уж я-то всегда думал, что наши монастырские кошки просто отчаянные симулянтки и капризные вопилки. А им просто не дано. Кое в чем они инвалиды, и без помощи нас, хватких и полноценных, им никак не обойтись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.